

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА ФРАНЦУЗСКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ В ПЕРИОД ОСТРЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ XVI ВЕКА

Рожкова Серафима Дмитриевна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
sima.rojkova@yandex.ru

SOME SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE LEGAL DISCOURSE IN THE FRENCH ROYAL DECREES DURING THE RELIGIOUS CONFLICTS OF THE 16TH CENTURY

S. Rozhkova

Summary: The paper analyzes the legal discourse in the French royal edicts during the period of religious strives between Catholics and Protestants in the 16th century. This discourse is already marked by several characteristic features by that time. We can assert that the legal language functions in renaissance legislative acts according to special stylistic and lexical norms. Although, in case the civil law begins to regulate the religious issues, the king promotes the anti-Protestant decrees with several deviations from the traditional legal discourse. So, as the study shows, these atypical new features are borrowed from the discourse of canon law and popes' decrees.

Keywords: protestantism, 16th century, legal discourse, law, royal decree, nomination.

Аннотация: Данное исследование посвящено правовому дискурсу французских королевских указов XVI века. Сам по себе правовой дискурс светских законодательных актов во Франции к этому периоду можно считать уже сформированным, с ясно прослеживающимися характерными стилистическими и лексическими особенностями. Тем не менее, вследствие попыток законодательного урегулирования католико-протестантского конфликта в королевских указах появляется ряд отступлений от устоявшихся дискурсных канонов. Нетипичные для светского законодательного документа особенности наблюдаются в антипротестантских эдиктах и, как показывает исследование, являются заимствованиями из правового дискурса законодательных актов Католической церкви.

Ключевые слова: протестантизм, XVI век, юридический дискурс, право, королевский указ, номинация.

Сложно переоценить значение шестнадцатого столетия в истории развития французского языка. Именно с этим периодом принято связывать особенно интенсивный процесс становления национального письменно-литературного языка во Франции (об этом пишут, в частности, М. Юшон [18, р. 7-63] и П. Рикард [25, р. 81-89]). Однако совершенно особенным образом в XVI веке развиваются французский правовой дискурс и французская юридическая терминология. С одной стороны, в языке правовой сферы не наблюдаются существенных изменений лексической базы: значительная часть французских юридических терминов была сформирована до XVI века (при анализе сведений этимологических и исторических словарей [4, 7, 23, 24, 27] видно, что первые фиксации юридических терминов, употреблявшихся в XVI веке, датируются более ранними эпохами). С другой же стороны, французское право эпохи Возрождения столкнулось с необычной и новой для него задачей: санкционировать религиозные «преступления» протестантов. И это не могло не отразиться на правовом дискурсе и употреблявшейся в правовых документах лексике.

В данном исследовании мы рассмотрим отдельный пласт правового дискурса: законодательные акты – и на

их примере выделим определённые особенности юридического языка периода острого католико-протестантского конфликта. Материалом исследования послужили два эдикта Генриха II [14] и Генриха III [15] (1551 и 1588 годов), постановления Тридентского собора (1564 год) [25] и булла Сикста V (1589 года) [26]. Также, в качестве дополнительных материалов для сопоставительного анализа, мы обращались к разным французским королевским указам XVI века.

Рассматриваемые нами эдикты 1551 [14] и 1588 [15] годов являются ярким примером законодательных текстов, составленных под влиянием межконфессиональных разногласий: и Генрих II, и Генрих III издают указы антипротестантского характера, а вопросы вероисповедания (которые до начала религиозных конфликтов были прерогативой церковного суда) по решению короны оказываются в ведении королевских судей (об этом сообщается в преамбуле эдикта Генриха II [14]). Конечно, сам факт сближения королевского и религиозного правосудия нельзя назвать беспрецедентным для Франции, так как, если мы обратимся к истории французского судопроизводства, окажется, что связь светского и церковного права в своё время была весьма тесной. Исследователь Г. Дегин подчёркивает значение канонического

права во времена становления Французского королевства и его роль в формировании светского права Франции: «*Les décrets des papes, les canons des conciles exercèrent sur la société et sur le droit civil une influence immense*» [6, р.24] («Папские декреты, постановления соборов оказывали огромное влияние на общество и светское право» [здесь и далее перевод наш – С. Р.]).

Однако к XVI веку, когда королевская власть взялась за борьбу против лютеранства, светское право уже прошло процесс секуляризации, религиозные вопросы больше не входили в его юрисдикцию. Потому-то, несмотря на историческое родство двух видов судопроизводства, решение светской власти судить протестантов «своими силами» создало сложную правовую ситуацию и повлекло за собой нетипичные нововведения в законодательстве, и, как следствие, в дискурсе правовых документов.

Сам по себе правовой дискурс стандартных французских королевских указов имеет определённые особенности. И, надо признать, каноны правового дискурса XVI века оказываются очень близки к современным (подробнее см. у Ж.-Кл. Жемар [13, р. 722-724]). У законодательных документов можно выделить:

1. унифицированную формальную структуру (заглавие, обращение с приветствием, преамбула, сами постановления, надпись, дающая документу юридическую силу, сообщение о печати, дата, подпись короля [1, р. 76])
2. нейтральность языка, которая достигается в том числе и за счёт широкого использования юридических терминов
3. целесообразность, отсутствие «лишних», не имеющих отношения к данному правовому вопросу сведений

Все эти черты присутствуют в законодательных актах, не касающихся протестантского вопроса. Например, рассмотрим Ис-сюр-Тийский ордонанс Франсиска I (1535 года) [11]. Прежде всего – преамбулу, в которой излагаются причины издания правового акта. Эта часть королевского указа особенно важна, так как в ней составители ордонансов сообщали информацию, призванную убедить членов парламентов и всех французских подданных в необходимости принятия предлагаемых законов. Исследователь М. Карбонье-Бюркад [1, р. 77] приводит общую структуру преамбулы королевских указов: сначала описываются проблемы (в прямой форме или в виде пожелания исправить их), для решения которых потребовалось изменение законодательства, затем – то, как король определил способ урегулирования ситуации, наконец – сами предлагаемые меры.

«*Scavoir faisons comme apres plusieurs plaintes et doleances a nous faictes par les manans et habitans de nos-*

dictz pays et conte de Provence <...> sur le desordre de la justice dudict pays dont ilz avoient par cy devant soustenu grans travaux / peines / despenses et fraiz inutiles <...>. Pour obvier ausquelles incommoditez <...> eussions des le moys de May en lan mil cinq cens trente et quatre depute certains bons personnages, esquelz a este mande et ordonne eulx transporter en nosdictz pays de Provence / enquerir et informer sur lesdictes plaintes. Par lavis et deliberation desquelz et dautres bons et notables personnages qui ont este par nous deputez en nostre ville de Paris, Avons faict / statue et et ordonne <...> par loix / ordonnance / edict / statut perpetuelz et irrevocables les articles et ordonnances qui sensuyvent» [11] («Сообщаем, что после многочисленных жалоб и сетований, обращённых к нам жителями и резидентами нашей вышеупомянутой провинции и графства Прованс <...>, касательно беспорядка в правосудии этой провинции, из-за которых они [жители] понесли напрасные труды / тяжести / траты и расходы <...>. Чтобы устранить эти неудобства <...> [мы] начиная с месяца Мая тысяча пятьсот тридцать четвёртого года делегировали некоторых достойных лиц, которым было приказано и предписано направиться в нашу вышеупомянутую провинцию Прованс / изучить и выяснить [информацию] относительно этих жалоб. По совету и решению этих и других достойных и видных людей, которые были нашими депутатами в городе Париже, [мы] составили, установили и предписали <...> посредством закона / ордонанса / эдикта / положения, которые являются бессрочными и безотзывными, следующие статьи и ордонансы.»)

В приведённой нами (с некоторыми сокращениями) преамбуле Ис-сюр-Тийского ордонанса 1535 года [11] выделяются все три структурных элемента (проблема – поиск её решения – решение). При этом освещается именно и только правовой вопрос, посторонние рассуждения отсутствуют. Сам текст примечателен своей точностью, исчерпывающими перечислениями («*loix, ordonnance, edict, statut*» («[посредством] закона, ордонанса, эдикта, положения»)) и употреблением устоявшихся формулировок («*avons faict, statue et ordonne*» («составили, постановили и предписали»); «*perpetuelz et irrevocables*» («бессрочными и безотзывными»)).

Отметим также нейтральность языка ордонанса. Это наблюдение касается не только преамбулы, но и всего текста законодательного акта. Наглядным примером тому может послужить статья, касающаяся наказания неградивых судей:

«*Item pour donner ordre a ce que nosdictz juges ne soient si negligens a visiter leurs proces quilz errent en faict ou en droict, Nous avons ordonne et ordonnons que si en jugeant les proces lon trouvoit par la visitation diceulx que noz juges eussent manifestement erre en faict ou en droict que nostredicte court ayt a muleter er pugnir iceulx en amende arbitraire a la discertion dicelle» [11] («Также, чтобы распорядиться, дабы наши судьи не пренебрегали присутствовать на своих процес-*

сах и не путались в обстоятельствах дела и в законе, Мы постановили и постановляем, что, если при проверке разбираемого процесса будет выявлено, что наши судьи явным образом путаются в обстоятельствах дела или в законе, наш вышеупомянутый суд должен наказывать их и приговорить к штрафу, размер которого он определит на своё усмотрение.»)

Некомпетентных и уклоняющихся от своих обязанностей судей, действия которых повлекли за собой «*desordre de la justice*» («беспорядок в правосудии») и стали одной из причин издания нового ордонанса, описываются без использования экспрессивно-пейоративной лексики: «*soient si negligens a visiter leurs proces quilz errent en faict ou en droit*» («пренебрегали присутствовать на своих процессах и не путались в обстоятельствах дела и в законе»). То же самое мы видим и в описании наказания: «*muleter et pugnir iceulx en amende arbitraire a la dis-certion dicelle*» («наказывать их и приговорить к штрафу, размер которого он определит на своё усмотрение»).

Совсем иначе выглядит текст королевского указа антипротестантского характера. Обратимся к эдиктам Генриха II 1551 года [14] и Генриха III 1588 года [15]. Так, Генрих II, нарушает и формальную структуру преамбулы, и стилистические каноны правового дискурса, вставляя в текст юридического документа замечания, не касающиеся непосредственно правовой стороны вопроса, а также неоднократно использует пейоративные и экспрессивные выражения:

«*Chascun a peu voir et cognoistre le bon, louable et entier devoir, que le feu Roy nostre treshonoré seigneur et pere, que Dieu absolue, a faict ordinairement durant son vivat, comme treschrestien et tres catholique Prince, pour extirper les erreurs & faulses doctrines qui pulluloyent contre nostre sainte foy & religion Chrestienne, à ce qu'elles n'eussent plus lieu en ce Royaume <...>. Finalement apres que nostredict seigneur et père auroit veu que <...> il ne pouvoit rappeler ne reduire ceste manière de gens perverse et obstinee <...>. <...> car de jour en jour, et d'heure à autre, quelque peine, diligence et vigilance dont nostredict seigneur et père ait sceu user en cest endroit, ou il a fait tout son possible, l'on a veu et voit continuer et croistre, tant secretement qu'ouvertement, lesdictes erreurs: de sorte qu'elles se sont reduictes en une commune maladie de peste, si contagieuse, qu'elle a infecté et contaminé en beaucoup de bonnes villes et autres lieux...*» [14] («Каждый видел и знал о правом, похвальном и совершенном деле, которое покойный Король, наш досточтимый государь и отец, неукоснительно исполнял при жизни, как Государь-истинный христианин и истинный католик, для искоренения множавшихся заблуждений и ложных учений против нашей святой Христианской религии и веры, чтобы они исчезли из этого Королевства <...>. Наконец, после того как наш вышеупомянутый государь и отец увидел, что <...> он не может ни исправить, ни сократить эту извращённую и упрямую породу людей <...>. <...> так как изо дня в день и из часа в

час, какие бы наказания, тщательность и бдительность ни применял здесь наш вышеупомянутый государь и отец, сделавший для этого всё, что было в его силах, вышеуказанные заблуждения сохранялись и росли на наших глазах, тайно и явно: так что они превратились в общую чумную болезнь, настолько заразную, что она отравила и заразила многие хорошие города и другие места ...»)

Необычным для законодательного акта является, в частности, и то, что монарх настаивает на приверженности короны Католической церкви: «*treschrestien et tres catholique Prince*» («Государь-истинный христианин и истинный католик»). В более ранних королевских указах, как и в позднейших аналогичных документах XVI века, не касающихся «лютеранской ереси» (вне зависимости от того, издавались ли они до или после начала католико-протестантского конфликта: например, ордонанс Людовика XII 1499 года [18], ордонанс Виллер-Котре 1539 года [12], ордонанс Карла IX 1566 года [2] и многие другие), единственным высказыванием религиозного характера было следующее – формальное и неизменное для всех таких документов – приветствие: «*par la grâce de Dieu, Roy de France*» («милостью Божией, Король Франции»). Чего не скажешь об эдикте Генриха II 1551 года [14], для которого (как и для других антипротестантских указов – например, эдиктов Франциска I 1532 года [10] и Генриха III 1585 года [16]) уточнение вероисповедания короля становится обязательным элементом. Это нововведение соответствует общему тону антипротестантского документа, но совершенно не соответствует устоявшимся нормам светского законодательного текста во Франции.

Преамбула эдикта Генриха III сообщает членам парламента и гражданам ещё более неожиданную для таких документов информацию: «*Considerans l'infinie et speciale obligation que nous avons à Dieu nostre Createur, qui nous a mis en main le sceptre du plus noble Royaume qui soit au monde, où la foy de son fils nostre Sauveur <...> a esté saintement annoncee dès le temps des Apostres, et depuis (moyenant sa grace) religieusement conservée aux cœurs des Roys nos predecesseurs...*» [15] («Принимая во внимание неоплатный и особый долг наш перед нашим Создателем и Богом, который вручил нам скипетр благороднейшего в мире королевства, где вера его сына нашего Спасителя <...> была свято проповедана ещё со времён Апостолов, и с тех пор (по его милости) благоговейно сохранялась в сердцах Королей, наших предшественников...»).

В этом фрагменте составители эдикта отвлеклись от правового вопроса и сочли уместным снабдить законодательный текст кратким экскурсом в историю становления Католической церкви Франции. Не говоря уже о том, что они затронули одно из серьёзных богословских разногласий католиков и протестантов относительно преемственной связи Святого Престола с апостольскими учениями.

Далее, рассмотрим подробнее экспрессивно-пейоративные высказывания. В указе 1551 года Генрих II не только в преамбуле документа, но и в самих постановлениях выходит за рамки нейтрального языка, сообщая, что «*ceulx qui scauront et cognoistront aucuns infectez d'heresie, seront tenuz incontinent et sans delay, les denoncer...*» [14] («те, кто узнает и будет знаком с лицами, заражёнными ересью, должны будут немедленно и безотлагательно их разоблачить...»), и что всякий хороший христианин «*sur toutes choses doit avoir odieuse ceste malheureuse secte*» («превыше всего должен ненавидеть эту злосчастную секту»). Генрих III, чей эдикт 1588 года [15] был издан уже после нескольких попыток короны найти компромисс (подробнее см. Élec [9]) в кровопролитном и губительном для страны католико-протестантском конфликте, не отличается таким обилием пейоративных определений и замечаний. Тем не менее, гугеноты по-прежнему именуются здесь еретиками (*hérétiques*), а сама новая вера – ересью (*hérésie*). В обычном королевском ордонансе подобные высказывания и наименования были бы невозможны, вне зависимости от тяжести описываемого правонарушения. Не говоря уже о том, что они вообще не имеют отношения к светскому праву как к таковому, а их наличие является отступлением и от устоявшейся формы документа (в случае эдикта 1551 года [14]), и от канонов светского юридического дискурса (оба эдикта [14, 15]).

Интересно, что среди законодательных актов не одни только королевские антипротестантские указы изобилуют пейоративными выражениями и посторонними комментариями. По нашим наблюдениям, эти элементы присущи ещё одному типу документов – церковным законодательным актам. Правда, рассматриваемые нами постановления Святого Престола (постановления Тридентского собора [25] и булла Сикста V [26]) нельзя назвать чисто франкоязычными законодательными текстами: они составлялись на официальном языке Католической церкви, латыни, а уже затем переводились на французский (об этом свидетельствуют подписи и даты во французских версиях документов). Тем не менее, французские переводы постановлений создавались под эгидой церковных властей и для большинства светских граждан Французского королевства, франкофонов, являлись единственным доступным вариантом изложения новой воли понтифика. Они составлялись, распространялись и применялись (в сфере канонического права) аналогично тому, как составлялись, распространялись и применялись королевские указы (о чём свидетельствует тот же текст буллы Сикста V, в котором описываются процедуры рассмотрения буллы и её последующая публикация [26]). Это делает для нас тем более удобным сравнение двух типов документов.

При рассмотрении папских законодательных актов мы выявили и употребления экспрессивно-пейоратив-

ных слов и выражений, и обилие «лишних» замечаний. В частности, текст постановлений Тридентского собора примечателен использованием таких высказываний, как «*ceste grande et pernicieuse maladie*» [25, p. 127] («эта большая и губительная болезнь»), «*la mer de ce monde, qui estoit troublé <...> horribles flots des heresies*» [25, p. 2] («море этого мира, волновавшееся <...> ужасными волнами ересей»), «*la peste d'heresies et de schismes*» [25, p. 120] («чума ересей и схизм»), «*un <...> si pernicieux schisme*» [25, p. 120] («столь <...> пагубная схизма»); а в булле Сикста V [26] неоднократно употребляются оценочные прилагательные и наречия, например: «*ceste notoire violante main-mise [de Charles Cardinal & Pierre Archevesque]*» («этот общеизвестный вероломный захват [Кардинала Шарля и Архиепископа Пьера]»), «*ont damnablement encouru, et sont tombez en sentence d'excommunication majeure*» («с проклятием навлекли на себя и подпали под приговор отлучения от церкви»). Что же касается замечаний «не по делу», то они и вовсе являются одной из существеннейших и крайне широко представленных отличительных особенностей правового дискурса в исследуемых нами церковных законодательных актах. Характер таких замечаний может быть самым разным: и излишние подробности («*Or est-il que nous ayant esté rapporté ces mois passez, non sans grand trouble & horreur de nostre esprit, par le bruit public, qui de jour en jour renforçoit...*» [26] (Тем временем случилось так, что в прошедшие месяцы мы узнали, не без великого душевного потрясения и ужаса, через людскую молву, которая росла день ото дня...)), и метафорические сравнения («*[le saint Concile] comme une bonne mere qui gemist et est en douleur d'enfans [qui se nomment Protestants]*» [25, p. 92] («[Священный Собор] как добрая мать, которая страдает и терзается о своих детях [именующих себя Протестантами]»)); и даже поговорки («*Or pour ce que, combien que l'habit ne fait pas le moine, toutefois il faut que les Clercs portent toujours des habits convenans à leur ordre...*» [25, p. 109] («Так, поскольку, хотя ряса ещё не делает монахом, всё-таки следует, чтобы Духовные лица всегда носили одежду, соответствующую их чину...»)).

Мы видим, что выявленные характерные черты обычных светских королевских указов и церковных постановлений диаметрально противоположны друг другу. Конечно, не все папские законодательные акты изобилуют пейоративными и «посторонними» замечаниями. К примеру, в менее значимой булле Клементы VIII, касающейся полномочий папского легата [3], подобных особенностей дискурса не наблюдается. Тем не менее, вышеупомянутые экспрессия и «лишняя» информация встречаются не только лишь в постановлениях Тридентского собора [25] и булле Сикста V [26], а присущи документам Святого Престола как таковым (это наглядно иллюстрируют, в частности, буллы «*Ineffabilis providentia*» 1473 года [20] и «*Coenai Domini*» 1537 года [21]). Также можно отметить, что в дискурсе законодательных актов светского и канонического права есть, помимо описан-

ных нами различий, и общие элементы (в частности, исчерпывающие перечисления мы наблюдаем не только в королевских ординасах, но и в документах, изданных от лица Великого понтифика), однако их выявление не входит в задачи нашего исследования.

Стоит при этом уточнить, что если для католических законодательных актов была возможна, как мы отметили, определённая вариативность дискурса (с точки зрения нейтральности и указания информации, касающейся только и непосредственно правового вопроса), то во французских королевских указах (за вычетом антипротестантских) к XVI веку уже не происходило никаких отхождений от устоявшихся канонов, описанных нами ранее.

По итогам сопоставления двух типов правовых документов мы приходим к выводу, что неожиданные лингвистические нововведения в антипротестантских королевских указах были заимствованы из дискурса канонического права. Другой вопрос – как смешение двух разных подходов к составлению законодательных актов повлияло на лексическую составляющую светских юридических текстов?

Изменения коснулись прежде всего средств номинации «преступников»-протестантов и «преступления»-новой веры. Так, в эдиктах употребляются наименования *schisme* ('схизма'), *hérésie* ('ересь'), *hérétique* ('еретик'). *Schisme*, по сведениям современных лексикографических источников [4], относится одновременно к религиозной терминологии и к терминологии канонического права. *Hérésie* считается богословским термином [4], а *hérétique* и вовсе определяется современными словарями [4, 7] как обиходное слово. В лексикографическом труде дореволюционного периода (XVIII века) [5, T-I, p. 782, T-II, p. 711] все три лексические единицы отнесены к специальной сфере канонического права. А вот в XVII веке, более близком к периоду Религиозных войн, в юридическом словаре юриста и адвоката Сципиона Дюперье (1588-1667) [8, p. 312] слово *hérétique* приводится среди терминов светского права. И, хотя труд Дюперье едва ли можно назвать полноценным словарём юридических терминов (что естественно, потому что автор не занимался вопросами языка и словарь свой разработал в дотерминоведческую эпоху), составленный им комментарий к слову *hérétique* позволяет нам предположить, что юристы-современники религиозных конфликтов воспринимали «еретика» как понятие, относящееся к королевскому суду. Таким образом получается, что в дискурсе французских королевских ординасов лексика, в более поздние эпохи никак не ассоциирующаяся со сферой светского права, функционирует наравне со стандартными юридическими терминами. Данное явление временно и было вызвано, с одной стороны, изменением королевского законодательства, а с другой – влиянием дискурса церковных законодательных текстов.

Отметим также, что с 1562 года, когда французская корона временно отложила попытки объединения церкви и истребления «*hérésie luthérienne*» ('лютеранской ереси'), а вместо антипротестантских указов начала издавать *édits de pacification* ('эдикты по восстановлению мира'; подробнее см. Élec [9]), это не замедлило отразиться на правовом дискурсе. Составители эдиктов по восстановлению мира, хоть и затрагивают вопросы вероисповедания, тем не менее не используют больше элементов правового дискурса папских постановлений. В этих документах исключается всё, что могло бы усугубить преследования гугенотов и обострить религиозный конфликт. Как сообщает М. Карбонье-Бюркад [1, p. 89], для эдиктов по восстановлению мира свойственно устранение религиозной стороны проблемы и поиск решений исключительно с позиций светского права – как на уровне законодательства, так и на уровне языка. Поэтому вместо красноречивых метафор и пространных рассуждений о том, как бы эффективнее бороться с «ересью», в законодательных актах нового типа мы находим присущую всем стандартным королевским указам нейтральность и целесообразность излагаемой информации, а вместо номинаций *schisme*, *hérésie*, *hérétique* – новые, а не заимствованные у католиков, обозначения. Например, для обозначения самого протестантства используется номинация *Religion prétendue réformée* ('так называемая реформированная Религия'), а для её последователей – формулировка *ceux de lad. Religion* ('те, кто из вышеупомянутой Религии').

Подводя итоги, мы, прежде всего, ещё раз подчеркнём, что к XVI веку правовой дискурс королевских указов во Франции уже сформирован и имеет свои неотъемлемые характерные черты. Тем не менее, в контексте религиозного католико-протестантского конфликта правовой дискурс антипротестантских эдиктов претерпевает ряд существенных трансформаций. Это происходит вследствие смешения в светских документах вопросов светского и церковного судопроизводства и заимствования элементов из правового дискурса постановлений Святого Престола. Данные изменения фиксируются на уровне структуры документов, стилистики и лексики. При этом они присущи только тем эдиктам, которые регламентируют проблемы новой веры, и не распространяются на другие королевские законодательные акты. В дальнейшем, поскольку политика правового притеснения гугенотов не принесла положительных плодов, королевский двор занимает более дипломатичную позицию и возвращается от церковно-правовой риторики к светско-правовой, отказываясь от экспрессивных и пейоративных выражений и посторонних замечаний в законодательных актах. Наконец, мы можем отметить, что отрицательный опыт антипротестантских эдиктов сыграл свою роль в формировании устойчивых канонов правового дискурса, так как даже при отмене Нантского эдикта

и возвращении открытого преследования гугенотов в 1685 году, составители эдикта Фонтенбло [19] уже не берут за образец церковные постановления и почти неукоснительно (исключением является однократное

обозначение протестантизма словосочетанием *fausse Religion* [19, p. 5] ('ложная Религия')) следуют изложенным нами языковым и структурным принципам стандартных королевских указов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carbonnier-Burkard M. Les préambules des édits de pacification (1562-1598) // Bulletin De La Société De L'Histoire Du Protestantisme Français (1903-2015), vol. 144 – 1998. – P. 75–92. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/43498915> (дата обращения: 08.07.21).
2. Charles IX. Ordonnances du Roy Charles IX. Faictes par sa Majesté en sa ville de Molins. . . - Lyon: Benoist Rigaud, 1566.
3. Clement VIII. Bulle de N.S. Père Pape Clement VIII. Contenant les Facultez donnees à Monseigneur l'Illustrissime et Reverendissime Cardinal de Plaisance. . . - P.: Imprimerie de la sainte Union, 1592. – 36 p.
4. CNRTL: Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 11.08.20).
5. De Maillane D. Dictionnaire de droit canonique et de pratique bénéficiale conféré avec les maximes et la jurisprudence de France. T.-I; T.-II. – P.: Cl.-Jean-Baptiste Bauche, 1761. – 861, 893 p.
6. D'Espinay G. De l'influence du droit canonique sur la législation française. – Toulouse: Typographie de Bonnal et Gibrac, 1856. – 312 p.
7. Dictionnaire du Moyen Français (1330- 1500). [Электронный ресурс]. URL : <http://zeus.atilf.fr/dmf/> (дата обращения: 20.06.21).
8. Dupérier S. Dictionnaire alphabétique des termes juridiques en usage au 17e siècle. – 1667. – 616 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://odyssee.univ-amu.fr/items/show/282#?c=0&m=0&s=0&cv=0> (дата обращения: 20.05.21).
9. L'Édit de Nantes et ses antécédents (1562-1598) // Éditions en ligne de l'École des chartes (Élec). [Электронный ресурс]. URL: <http://elec.enc.sorbonne.fr/editsdepacification/> (дата обращения: 20.05.21).
10. François I. Ordonnances du Roy nostre sire alencontre des Lutheriens. . . - Lyon, 1532.
11. François I. Ordonnances du très chrétien Roi de France, François premier de ce nom, réduites par titres & articles & ordre selon les matières, ordonnées être gardées & observées en ses pays de Provence, Forcalquier et terres adjacentes : selon et en ensuivant la réformation par lui faite sur le fait de la justice desdits pays, l'an mil. CCCC. XXXV. . . - Lyon: Denys de Harsy, 1536.
12. François I. Ordonnances royaulx sur le fait de la justice et abbréviation des procès par tout le royaulme de France.... – P., 1539.
13. Gémar J.-Cl. Les fondements du langage du droit comme langue de spécialité. Du sens et de la forme du texte juridique // Revue générale de droit, volume 21, numéro 4. – Ottawa: Université d'Ottawa, 1990. – P. 717–738. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.7202/1058214ar> (дата обращения: 20.05.21).
14. Henry II. Edict du Roy touchant la congnoissance, jurisdiction et jugement des procès des luthériens et hérétiques, appartenans à tous juges royaux et présidiaulx. – P., 1551.
15. Henry III. Edict du Roy pour l'establisement d'un asseuré repos au fait de la religion Catholicque, Apostolicque, et Romaine, & union pour l'extirpation des scismes... Publié en sa Court de Parlement de Rouen – Lyon: Jehan Pillehotte, 1588.
16. Henry III. Edict du Roy sur la reunion de ses subjects. . . - P.: Federic Morel, 1585. – 15 p.
17. Huchon M. Le français de la Renaissance. – P.: PUF, 1988. – 128 p.
18. Louis XII. Les ordonnances royaulx nouvellement publiées à Paris de par le roy Loys douziesme de ce nom, le XIIIe jour du mois de juing l'an mil CCCC XCIX. – P., 1499.
19. Louis XIV. Edit du Roy, Portant défenses de faire aucun Exercice public de la R.P.R. dans son Royaume. – P.: François Muguet, 1685. – 11 p.
20. Paul II. Bulla Ineffabilis providentia. – Roma, 1472-1473.
21. Paul III. Bulla Coenae domini. – Roma, 1537.
22. Picoche J., Rolland J.-C. Dictionnaire Etymologique du français. – P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2009. – 845 p.
23. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française, nouvelle édition – P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2010. – 2614 p.
24. Rickard P. A history of the French language, second edition. – L., N.Y.: Taylor & Francis, 2005. – 192 p.
25. Le Saint, sacré, universel, et general Concile de Trente. . . - Rheims: Jean de Foigny, 1564. – 236 p.
26. Sixte V. Bulle de N. S. P. Pape Sixte V contre Henry de Valois. – Troyes: Jean Moreau, 1589.
27. Von Wartburg W. Französisches Etymologisches Wörterbuch. [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.atilf.fr/lecteurFEW/index.php/page/view> (дата обращения: 20.05.21).

© Рожкова Серафима Дмитриевна (sima.rojkova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»